

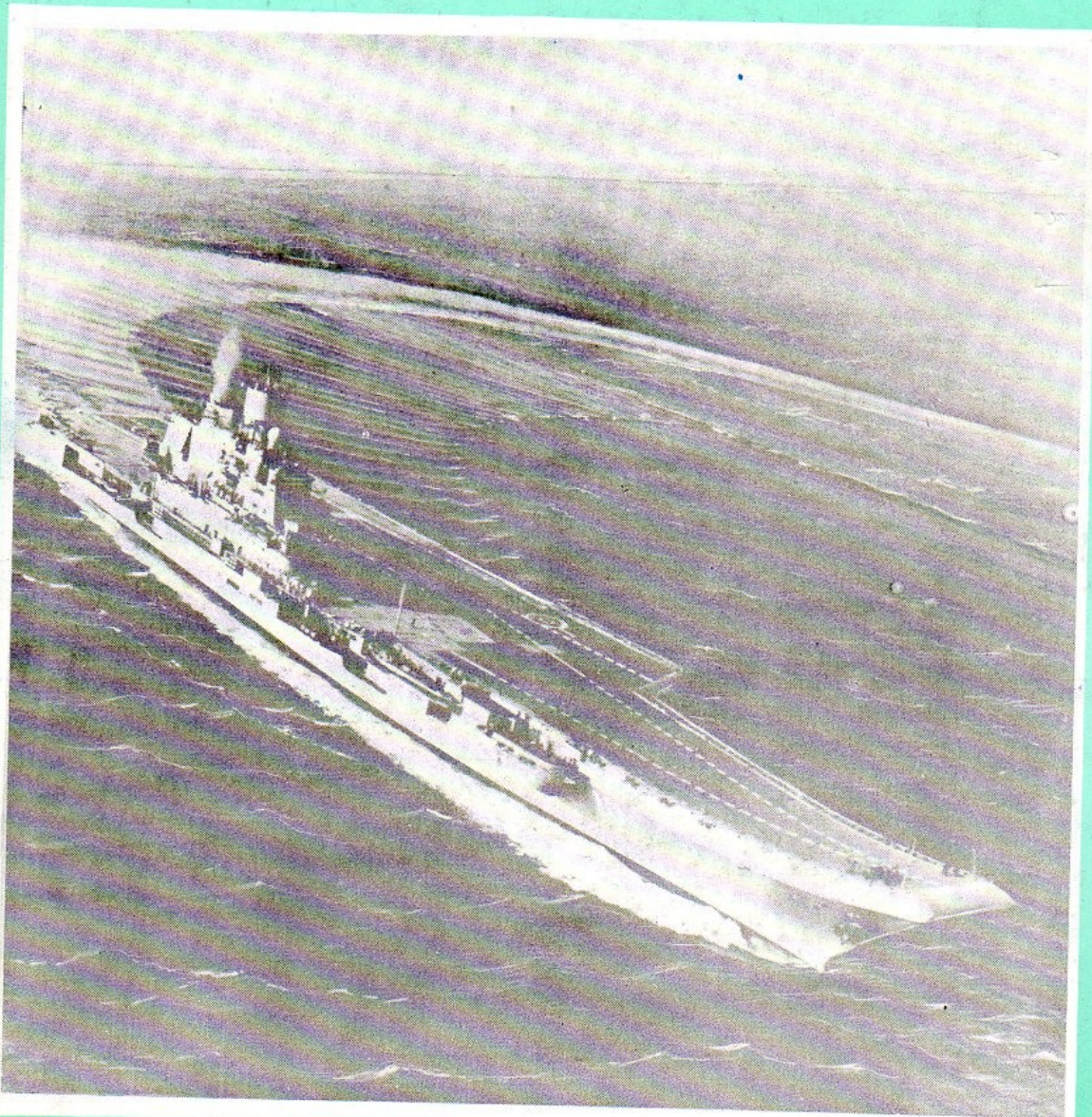
ISSN 0134-9236

МОРСКОЙ СБОРНИК

3 • 1990

50 лет прошло со дня окончания советско-финляндской войны 1939—1940 г. Наша военная и историческая наука долго не баловала ее вниманием. Практически не было публикаций, анализирующих действия флотов. Сегодня исчезают многие «белые пятна» прошлых лет, исследователям стало доступно большое число новых документов. Опираясь на них, автор предпринял попытку показать отдельные эпизоды той войны, связанные с решением поставленных перед Балтийским флотом задач.

«ФАКЕЛ» НАД БАЛТИКОЙ

Капитан 1 ранга М. МОНАКОВ

В 0 ч 15 мин 30 ноября 1939 г. всеми средствами связи Балтийского флота был передан условный сигнал «Факел» о начале боевых действий против Финляндии.

Официальные источники тех лет единодушно сообщали, что боевой приказ везде «был встречен с энтузиазмом». Оптимизмом, уверенностью в нашей правоте, ожиданием скорой победы дышат пожелтевшие от времени, хрупкие листы советских газет той поры. В 1939—1940 гг. о событиях советско-финляндской войны писали охотно и много. Но лишь в восторженных тонах.

Впоследствии эта тема как бы исчезла из поля зрения и прессы, и наших историков. Та война, по образному выражению А. Твардовского, стала «войной незначительной» и долго скромно именовалась «конфликтом». Трагическое и героическое четырехлетие Великой Отечественной заслонило в народном сознании 105 дней суровой зимы 1939/40 г. Тогда война вошла во многие дома, но не в каждый. Погибли тысячи, но не миллионы...

Об участии в боевых действиях «незначительной войны» Балтийского и Северного флотов в большинстве трудов не найти ни строки. Думается, причина не только в том, что флот был тогда самостоятельным наркоматом, так сказать, «по другому ведомству». В те годы принижение (вплоть до отрицания) роли флота в сухопутных операциях было свойственно и нашей, и зарубежной военной науке.

Верная в принципе теория о подчиненной роли флота в войне на континентальном театре на практике обернулась отказом от широкого применения морских сил. Их действия почти не увязывались по целям, месту и времени с операциями армейских соединений.

Война 1939—1940 гг. высветила многие недостатки. Даже снисходительный разбор операций Балтийского флота являет нам картину существенных упущений в планировании и организации боевых действий. Плотная опека флота двумя заместителями наркома ВМФ (И. Исаковым и Л. Галлером) кардинально не улучшила положения.

В июле 1941 г. многие ошибки были допущены вновь. Но в отличие от финнов немцы сумели этим воспользоваться, и последствия для нас были тяже-

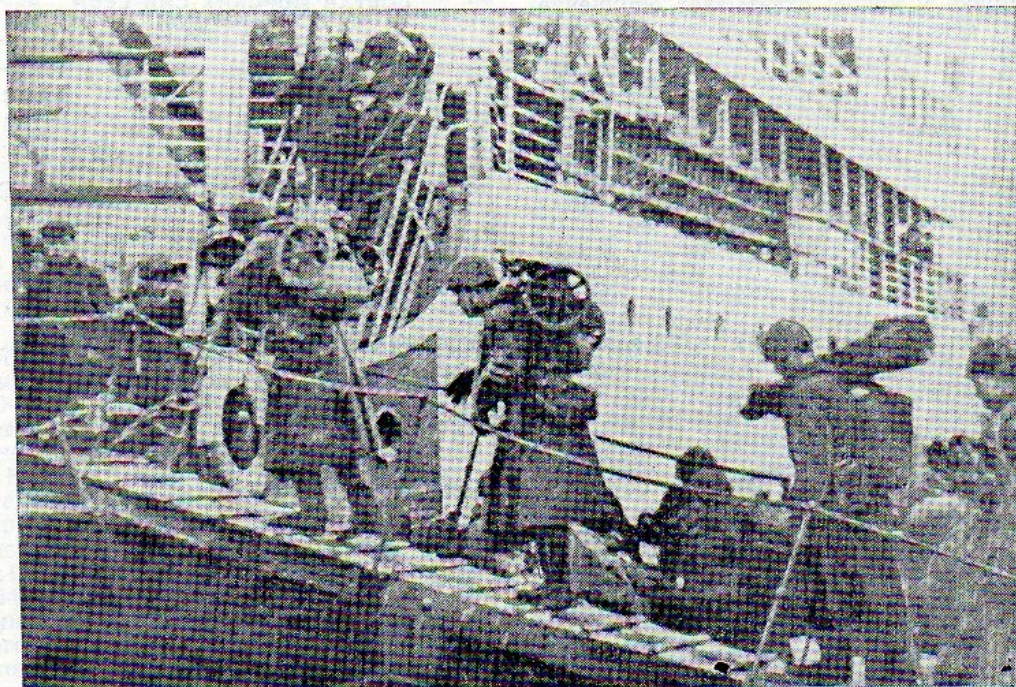
лее. Одной из причин допущенных просчетов было то, что за предыдущие 10 лет (с 1930 по 1939 г.) потери начсостава Советского ВМФ в результате репрессий превысили суммарную убыль офицерских кадров российского флота в двух его последних войнах: русско-японской и мировой. На смену брошенным в лагеря флагманам и комбригам, комдивам и командирам кораблей пришли очень молодые люди.

Командующий флотом 39-летний В. Трибуц, за три года стремительно выдвинувшийся от командира эсминца до командующего флотом, опирался на штаб, который только что возглавил капитан 1 ранга Ю. Пантелеев, 38 лет, недавний комбриг и черноморец, еще не освоивший ни новых обязанностей, ни флота, ни тяжелого театра... К тому же атмосфера всеобщей подозрительности, враждебности к самостоятельной мысли, к неординарному поступку, господствовавшая в стране, сковывала волю и инициативу людей.

Впрочем, со всем этим порой поразительно сочетались недисциплинированность, своеволие, невыполнение требований уставов и руководств...

Географическое положение Финляндии было удобно для организации мощного удара по жизненно важным для страны северо-западным центрам, что вызывало постоянное беспокойство советского политического и военного руководства за Ленинград, всего лишь на 32 километра удаленный от опасной границы. Наши позиции в случае войны были бы крайне невыгодны. В частности, Балтийскому флоту угрожали тяжелые орудия, которые имелись или могли быть установлены на принадлежащих финнам островах. Особенно в восточной части Финского залива...

Попытки прийти к соглашению мирным путем в 1937—1939 гг. успеха не имели. Финская сторона откровенно рассчитывала на вмешательство Англии, Франции и Швеции. В соответствующих заявлениях правительств и парламентариев этих стран недостатка не было. Появилось опасение, что англичане и французы могут, сговорившись с Гитлером, ввязаться в столкновение с СССР на стороне Финляндии. Убежденность в этом видна даже в оперативных документах флотского уровня.

Погрузка десанта на корабль

К тому же еще во время ведения переговоров в Москве финны приступили к мероприятиям по переводу страны на военное положение. Под видом крупных войсковых учений с 6 по 11 октября 1939 г. ими были проведены мобилизация армии и ее развертывание на Карельском перешейке¹.

В архивах сохранились данные о повышении оперативной готовности сил Краснознаменного Балтийского флота еще в июле и развертывании подводных лодок на позициях в октябре 1939 г.

В то время Балтике наркомат ВМФ уделял особое внимание, что вполне объяснимо: операционная зона БФ могла стать частью главного театра военных действий. В соответствии с предварительной директивой наркома от 3 ноября 1939 г. в случае войны с Финляндией флоту ставились задачи:

прикрытие районов боевых действий от возможного вмешательства шведского флота, поиск и уничтожение финских броненосцев береговой обороны, пресечение морских коммуникаций противника в Финском заливе, овладение островами Гогланд, Большой Тюттерс, Лавенсари (Мощный), Сейскари (Лесной), высадка десантов оперативного и тактического масштаба, оказание огневой поддержки войскам Красной Армии.

21 ноября 1939 г. на флот поступила аналогичная директива военного совета Ленинградского военного округа (ЛВО), которому БФ с 13 ноября был подчинен в оперативном отношении. Она не противоречила требованиям наркома ВМФ, но несколько расширяла рамки поставленных флоту задач. В частно-

сти, БФ поручалась защита воздушного пространства над Ленинградом и Кронштадтом со стороны моря. Следует отметить, что нарком ВМФ постоянно стремился повысить уровень взаимодействия флота и Красной Армии, а военный совет ЛВО полагал, что представители связи от флота достаточно иметь лишь в штабе 70-й стрелковой дивизии, наступавшей на приморском фланге, то есть в тактическом звене. О десанте с оперативными целями речи не было. Как показали дальнейшие события, обеими директивами Краснознаменному Балтийскому флоту было поставлено больше задач, чем он мог выполнить.

На основании указанных директив и в соответствии с «общим планом боевых действий» командующий флотом 23 ноября издал приказ № 5оп, который, увы, не устранял противоречий, заложенных в директивах. Более того, основным соединением БФ — эскадре, воздушным силам, 1-й и 2-й бригадам подводных лодок в соответствии с этим приказом надлежало действовать в одних и тех же районах, решая сходные задачи. Однако указаний об организации взаимодействия между ними не было. Будь в штабах типовые, заранее отработанные в ходе учений планы операций и систематических боевых действий, этот приказ был бы действенным. Но таковых не имелось...

Впрочем, следует учитывать, что тогда в ВМФ еще не было единого руководящего документа по подготовке и ведению операций. Он появился только в 1940 г. Безусловно, его созданию способствовало осмысление опыта советско-финляндской войны.

Знакомящегося с упомянутыми документами БФ, составленными при под-

¹ Новая и новейшая история. — 1989. — № 4. — С. 31—32.

готовке к войне, охватывает ощущение, что советской стороной владела одна главная забота — как перехватить финнов, когда они побегут в Швецию. «Малой кровью, могучим ударом...» И разгром немцами Польши, и наш Халхин-Гол были еще так свежи в памяти! Да и простое механическое сопоставление сил (см. таблицу) вселяло уверенность.

Однако финны опирались на выгодные для них особенности театра. В шхерах, где до предела были затруднены действия советских кораблей, они использовали большое число катеров, флотилию вооруженных ледоколов, заблаговременно подготовили скрытые фарватеры. Надежно прикрывая входы в шхеры минными заграждениями и системой береговых батарей, они смогли почти беспрепятственно, до ледостава, питать морем свои войска, осуществлять маневр силами, угрожать нашим коммуникациям. Планы финской стороны были очерчены границами возможного. Ни о каком единоборстве в открытом море они и не думали. Правда, и финны реализовали не все преимущества, которые представились им по мере развития событий.

А на нашей стороне «Факел» сразу же высветил многое из того, что долгие годы оставалось непродуманным, недоделанным, неорганизованным, отложенным «на потом», что не вызывало беспокойства командующих и традиционно захлестнутых текучкой штабов. Не знал, например, значения полученного сигнала командир отряда легких сил капитан 1 ранга Б. Птохов. Пришлось связываться со штабом БФ. Не понял его и капитан-лейтенант А. Трипольский — командир подводной лодки С-1, находившейся в дозоре. Для него обстановка прояснилась лишь на второй день войны с получением оперативной сводки. Эсминец «Гневный» вообще не принял сигнала. Утром 30 ноября он вышел в район Хельсинки для несения дозорной службы и был обстрелян финской батареей с острова Изосаари.

В первые дни боев нередко возникали опасные недоразумения. Так, 30 ноября 1939 г. два эсминца — «Карл Маркс» и «Володарский» — были обнаружены в море нашей воздушной разведкой, осуществлявшей поиск финских броненосцев. Не имея данных обстановки, не зная как следует внешнего вида своих кораблей, наши летчики приняли их за вражеские. Бомбы легли в 30 метрах от борта «Володарского». В свою очередь эсминец едва не сбил СБ.

2 декабря 1939 г. корабли отряда особого назначения после мощной огневой подготовки высадили десант на о. Гогланд. Противник вопреки ожиданиям не оказал сопротивления. Однако потери были — шестеро раненых из подразделений, попавших под удар своей авиации. Командование флота, управлявшее силами, не успевало реагировать на изменения обстановки, и наши самолеты нередко штурмовали своих.

В первый же день войны в шхерах у о. Руссала звено майора Е. Преображен-

СОСТАВ МОРСКИХ СИЛ СССР И ФИНЛЯНДИИ на 30.11.1939 г.

Классы кораблей, виды авиации	СССР		ВМС Финляндии
	БФ	СФ	
Корабельный состав			
Линейные корабли	2	—	—
Броненосцы береговой обороны	—	—	2
Крейсеры	1	—	—
ЭМ и лидеры	13	7	—
ПЛ (из них малые)	29(12)	16(6)	5(2)
Канонерские лодки	3	1	12
Сторожевые корабли	12	16	9
Минные и сетевые заградители	3	2	7
Тральщики (всех типов)	28	8	30
Торпедные катера	62	—	7
Другие боевые катера	33	8	—
Авиация			
Истребители	246	—	—
Бомбардировщики	111	—	16
Разведчики и корректировщики	112	25	16

ского обнаружило оба броненосца береговой обороны. Летчики бомбили их с высоты 200 метров, но безрезультатно. Ударная группа самолетов, спешно собранная штабом ВВС, вылетела лишь через 2 ч 40 мин. Естественно, за это время корабли ушли.

Отсутствие опыта управления силами и недостатки предвоенной подготовки обусловили резкое возрастание радиообмена. Особенно «отличилась» подводная лодка Ш-317 (командир — старший лейтенант А. Андронов). За пять ночей пребывания на позиции в районе Турку она сделала 38 передач, из них 14 — только в ночь на 1 декабря. Да и другие командиры включали передатчики в среднем по 4—5 раз в сутки, ибо и с началом боевых действий радиообмен с подводными лодками остался квинтэссенцией. Командование не доверяло другому способу. Однако при этом оно очень мало снабжало командиров разведывательной информацией.

Не всегда решения руководства флота отвечали обстановке. К примеру, действия подводных лодок были предусмотрены одновременно на всех 11 позициях, намеченных планом блокады побережья Финляндии. Вскоре командованию пришлось пожалеть о том, что «спланировали» чрезмерное напряжение сил. Лодки начали выходить из строя.

1 декабря 1939 г. командиру отряда легких сил радиogramмой было приказано орудиями главного калибра крей-

сера «Киров» обстрелять батарею на о. Руссарэ. Других указаний капитан 1 ранга В. Птохов не получил. Цель этого набега остается неясной и сегодня. Бои на суше шли в нескольких сотнях километров к востоку, а флот не планировал операций, которым бы могла помешать эта батарея, к тому же не было установлено ее точное местонахождение. Не было данных и о финском минном заграждении на подходах к острову. Предварительная разведка не планировалась, да и тральщиков не хватало.

По пути к острову корабли отряда обнаружили в рассветной мгле силуэт подлодки и... едва не потопили свою С-1. ЦАСы уже выработали данные для стрельбы, когда ее командир, заподозрив неладное в действиях охранявших «Киров» эсминцев, подал опознавательный сигнал... Приблизившись к острову, отряд пошел прямо на мины. Подойдя к маяку Руссарэ на дистанцию 110 каб, «Киров» лег на боевой курс 240°, который, как и прежний, вел на минное заграждение. Финны открыли огонь первыми. Имея приказание не находиться под обстрелом, командир отряда увеличил ход до 24 уз и лег на курс 210°. Это спасло корабль. На отходе крейсер открыл огонь и за 9 мин израсходовал 35 снарядов, стреляя по площади. Последний залп противника лег с недолетом 70—80 м за кормой... В результате удалось лишь установить, что дальность огня батареи достигала 120 каб.

Этому набегу позднее была дана следующая оценка: «Неосторожная посылка крейсера «Киров» для обстрела батареи на о. Руссарэ без тральщиков и воздушного прикрытия, достаточного противолодочного охранения могла стоить потери единственного крейсера БФ»².

Наиболее слабо была организована разведка. Об отсутствии достоверных данных о противнике свидетельствует множество примеров. В невыгодном свете она предстает и тогда, когда действия Балтийского флота в целом выглядели вполне удачными. Это, в частности, относится к операции по овладению островами восточной части Финского залива в период с 30 ноября по 3 декабря 1939 г. Острова, которые финны практически не защищали, усиленно обстреливали корабли, бомбила авиация. Только на эти цели ВВС флота произвели 387 самолето-вылетов, израсходовали 2110 бомб и 4425 снарядов.

Впрочем, излишний расход боеприпасов не такая уж горькая потеря, если есть результат. Между тем именно из-за отсутствия разведанных, вернее некачественного их сбора и анализа того, что добывалось в ходе боевых действий, чаще всего оставались безрезультатными значительные усилия.

Таким образом, с первых часов войны командование БФ столкнулось с це-

лым рядом трудностей, многие из которых ему так и не удалось преодолеть.

Иное развитие событий являет боевая деятельность Северного флота (командующий — флагман 2 ранга В. Дрозд). И здесь имели место недостатки, однако они не помешали флоту выполнить поставленные задачи, которые, следует заметить, были значительно скромнее и более реально учитывали небольшие возможности СФ. В первую очередь это оказание поддержки войскам 14-й армии по овладению полуостровами Рыбачий, Средний и городом Печенга (Петсамо) с прилегающей к Варангер-фьорду территорией. В дальнейшем Северный флот обеспечивал защиту своих коммуникаций и оборону собственных баз. Действия его в советско-финляндской войне, безусловно, заслуживают интереса, однако они не дают нам таких типичных примеров, которые характерны для боев на Балтике.

А на Балтийском театре обстановку определяли два основных фактора: неудачи Красной Армии, с трудом продвигавшейся вперед, и преждевременное начало необычайно суровой зимы.

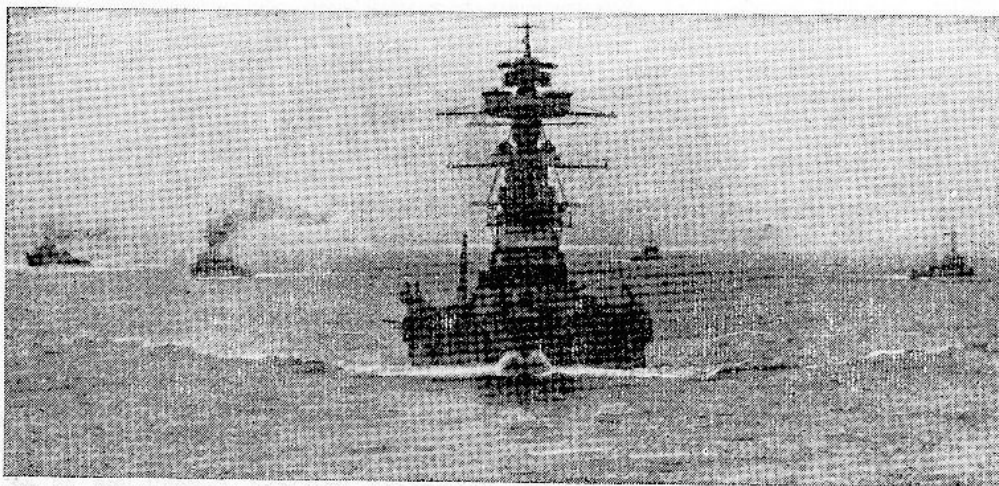
Военные будни БФ были теснейшим образом связаны с развитием событий на Карельском перешейке. В соответствии с поставленной задачей огневое содействие 70-й, а затем 123-й дивизиям оказывал дивизион канонерских лодок капитан-лейтенанта Э. Лазо.

Деятельность этого соединения заслуживает положительной оценки уже потому только, что оно было сформировано в считанные дни перед самой войной из мобилизованных и вооруженных грунтовозных судов. С 30 ноября по 21 декабря 1939 г. они поддерживали огнем 130-мм орудий продвижение приморского фланга сухопутных войск. Результаты стрельбы по береговым целям, как правило, армейским командованием оценивались высоко, хотя велась она чаще всего без корректировки, по площади. В те дни, когда по метеословиям стрельба по берегу была невозможна, пехота обычно успеха не имела.

Между тем руководство Красной Армии, столкнувшись с упорным сопротивлением финнов и убедившись, что линия Маннергейма не «пропаганда», стало понимать, что необходима десантная операция, так как иного реального способа кратчайшим путем обойти мощные финские укрепления не было.

4 декабря 1939 г. военному совету БФ была поставлена задача совместно с командованием 7-й армии проработать вопрос о высадке тактического десанта силой до дивизии. При этом выявились недостатки предвоенной подготовки флота: не было составленных и отработанных в ходе совместных учений планов десантных операций, не хватало транспортов, отсутствовали десантные корабли специальной постройки, не хватало тральщиков, кораблей огневой поддержки, пригодных для действий в шхерах. Не имелось даже некоторых необходимых карт и лоций, без чего на столь сложном в навигационном отношении

² Советско-финляндская война 1939—1940 гг. на море. — Ч. 1. — Кн. 1. — М.—Л.: Военмориздат, 1945. — С. 90.

Линкор «Марат» в походе

театре не то что воевать — в море выйти было рискованно. К тому же не все командиры и штурманы были подготовлены к плаванию в шхерных районах.

5 декабря Главным командованием было принято решение о проведении десантной операции силами БФ и 7-й армии и назначено место высадки — район Питкяпаси. Действиям наших сил могли помешать минные заграждения финнов и батареи на островах Выборгского залива, вооруженные мощными орудиями калибра от 152 до 254 мм. При этом не имелось точных сведений о количестве финских артиллерийских установок, их местонахождении, дальности огня и секторах обстрела. Предназначенные для авиационной разведки МБР-2 с малой скоростью и низкими летными характеристиками для выявления этих данных оказались непригодны. Пришлось вооружить фотоаппаратурой бомбардировщики СБ, обучать экипажи новым для них видам действий.

В течение трех недель удовлетворительных результатов от аэрофоторазведки получить не удавалось. Между тем ледовая обстановка в Финском заливе усложнялась, и наиболее вероятным вариантом стала высадка десанта на лед.

Борьба против береговых батарей неожиданно оказалась сложным делом и потребовала большого напряжения всех сил эскадры БФ и взаимодействующих с ней частей ВВС флота.

Понимая, что без данных о батареях эффективность ударов по ним будет весьма низкой, советское командование предприняло несколько попыток установить их координаты. Так, 6—7 декабря к о. Килписари выходили лидер «Минск» и два эсминца — «Карл Маркс» и «Володарский», которые обстреливали остров и демонстративно приближались к нему на дистанцию до 10 каб, стараясь вызвать огонь на себя. Пробовали выявить орудия, установленные на о. Бьёрке, при помощи самолетов, действующих на предельно малых (20—30 м) высотах. На огонь кораблей финны, как правило, не отве-

чали, по-видимому, раскрыв замысел советского командования. Хорошо замаскированные тяжелые орудия летчики также не обнаружили, зато понесли урон. Из-за плохих метеословесий и сильного зенитного огня было потеряно три И-15 и два Р-5.

Имели успех лишь демонстративные действия группы эсминцев против о. Кирккомансари (в районе Котки) 15 декабря 1939 г. «Гневный», «Карл Маркс», «Энгельс» вызвали огонь на себя и смогли уточнить расположение 254-мм батареи, но при этом «Карл Маркс» подсек параваном две мины, что позволяет усомниться в безупречности решения — рисковать ценными кораблями ради обнаружения батарей. Тем более что данными разведки никак не удавалось обеспечить операции на главном направлении — по подавлению батарей на островах архипелага Бьёрне, которые, с одной стороны, перекрывали огнем кратчайший маршрут к месту высадки предполагаемого десанта, а с другой — препятствовали дальнейшим действиям дивизиона канлодок, продолжавшим поддерживать огнем приморский фланг частей Красной Армии, вплотную приблизившихся к южному входу пролива Тронзунд.

Позднее в директиве от 14 февраля 1940 г. нарком резко упрекнул военный совет БФ за стремление «проявить активность», «нанесение слабых ударов одновременно по большому числу боевых объектов противника», которые «фактически... были бесцельными, безрезультатными и даже вредными»³. На первый взгляд нарком безусловно прав. Но ведь своевременно ни И. Исаков, ни Л. Галлер, ни, наконец, сам Н. Кузнецов командование флота не поправили...

Батарею Саренпя на о. Бьёрке корабли эскадры и самолеты ВВС БФ обстреливали и штурмовали неоднократно. С 10 по 25 декабря для этих целей привлекались оба линкора, два лидера, пять эсминцев, четыре сторожевых ко-

³ ЦГА ВМФ, ф. р 92, оп. 2, д. 502, л. 20.

рабля, четыре базовых тральщика, шесть катеров типа МО, а 19 декабря — и крупные силы ВВС: 35 бомбардировщиков и 52 истребителя. Было израсходовано 402 305-мм, 176 130-мм снарядов, 15 ФАБ-1000, 88 ФАБ-500, 111 ФАБ-250, 338 ФАБ-100, 8 БТАБ и 1717 мелких авиабомб.

В результате этих усилий лишь одна надежда, 18 декабря 1939 г., одно 152-мм орудие было выведено из строя попаданием 130-мм снаряда.

Анализируя действия кораблей эскадры, стрелявших без данных о целях, без корректировки, по площади, нельзя не увидеть, что причиной неудач, помимо отсутствия удовлетворительной разведки, было и неумение организовать взаимодействие с авиацией. К тому же ледовая обстановка, становившаяся день ото дня тяжелее, существенно ограничивала возможности для маневрирования. Нельзя не учитывать и того, что положение на фронте становилось все более напряженным. Победоносного наступления наших войск не получилось. Более того, финские войска начали наносить контрудары. На всем протяжении линии Маннергейма боевые действия приобрели позиционный характер. На этом фоне по-иному выглядит стремление командования флота если и не добиться успеха, то по крайней мере «проявить активность».

Последняя попытка достичь перелома в действиях против батарей на о. Бьёрке была предпринята 30 декабря 1939 г. Совместный удар кораблей эскадры и авиации флота из-за тяжелых ледовых и метеоусловий был сначала перенесен на 1, а затем на 2 января 1940 г. Однако в 11 ч второго стало ясно, что он не состоится (к тому же десантная операция в район Питкяпаси была отменена директивой наркома ВМФ 30 декабря).

Боевые действия кораблей эскадры в Финском заливе на этом прекратились. Огневую поддержку частей Красной Армии осуществляли железнодорожные батареи морских укрепрайонов (Южного, Западного и Северного), переброшенные на Карельский перешеек. Сухопутным войскам оказывали активное содействие ВВС БФ. Моряки защищали подступы к главной базе в составе Зимней обороны. На приморском фланге совместно с частями Красной Армии наступали отряд сопровождения и батальон лыжников.

Подводные лодки и авиация продолжали наносить удары по финским коммуникациям до конца января 1940 г. Однако значительного успеха ни подводники, ни летчики добиться не смогли. Одним из самых серьезных препятствий было строгое указание командирам подводных лодок руководствоваться призовым правом, что исключало атаки транспортов без предупреждения, делало невозможным действия против конвоев. Ошибочным выглядит и первоначальное решение руководства

авиации выделить для ударов по вражеским коммуникациям 28 устаревших самолетов МБР-2, из которых около трети постоянно находилось в ремонте. Наиболее современные для того времени бомбардировщики СБ и ДБ-3 целенаправленно, но безрезультатно охотились за финскими броненосцами. Перед возвращением на аэродромы они, как правило, бессистемно бомбили порты и предполагаемые военные объекты в районах Хельсинки и Турку.

8 декабря 1939 г. Советское правительство объявило «блокированными побережье Финляндии и прилегающие к нему воды от устья реки Торниониоки, на севере Ботнического залива, до меридиана 23°51' восточной долготы на Финском заливе»⁴. В этот день на позициях находилось 11 подводных лодок. Авиация базировалась на Палдиски и аэродромы Моонзундского архипелага. Разведка устья Финского залива подтвердила очевидную вещь — прекращение движения транспортов в открытой части моря, так как они стали осуществлять переходы исключительно шхерными фарватерами.

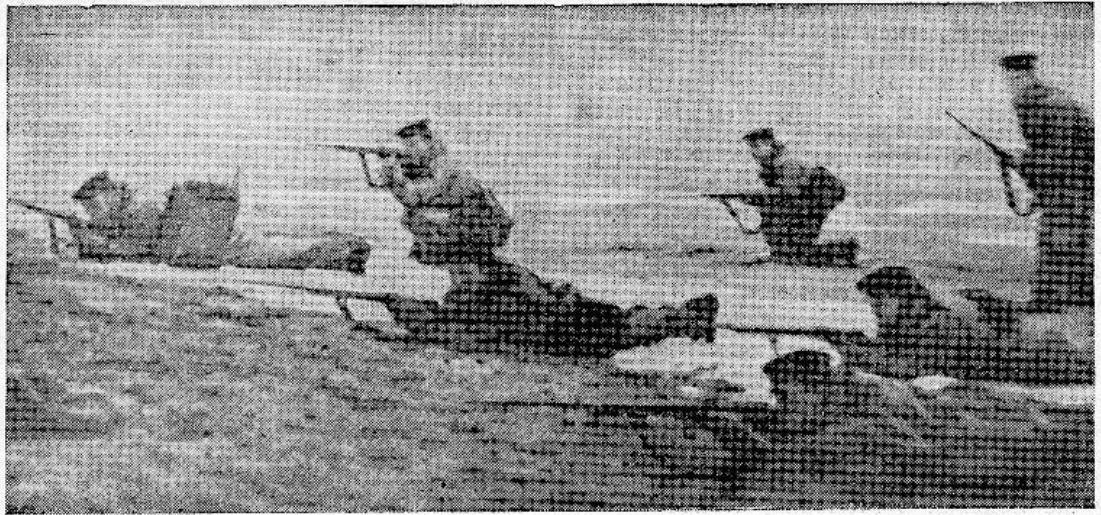
Как уже отмечено, МБР-2 не могли существенно влиять на морские сообщения противника, поэтому бремя блокады в основном легло на подводников. Молодые командиры ПЛ обретали боевой опыт, прямо скажем, в условиях экстремальных. Кто должен был учить их? Комдивы в подавляющем большинстве сами были молоды и неопытны. Из восьми командиров дивизионов лишь трое были старшими офицерами, остальные — в звании капитан-лейтенанта. Среди командиров «щук» и «эсок» (кораблей второго ранга) 39% были старшими лейтенантами. А подводной лодкой М-76 командовал лейтенант Г. Жаворонков. Но главная причина низкой эффективности их действий заключалась все же в неудовлетворительной работе штабов, слабой разведке и отсутствии взаимодействия с другими родами сил.

Гибкое, адекватное обстановке и постоянное по времени управление подводными лодками отсутствовало. Это и дало о себе знать после объявления блокады. Ошибкой была и организация управления одновременно с двух командных пунктов, что перегружало связь, приводило к неразберихе. Так, получив 22 декабря 1939 г. почти одновременно два противоположных по сути приказа — пройти пролив Ю. Кваркен, ведущий в Ботнический залив, в 10.00 23 декабря и... в Ю. Кваркен до особого распоряжения не входить, командир С-1 был поставлен в трудное положение.

Находясь в назначенных районах неделями и не встречаясь с противником, ПЛ не имели запасных позиций и не получали приказаний на смещение.

⁴ Советско-финляндская война 1939—1940 гг. на море. — Ч. 1. — Кн. 2. — М.: Воениздат, 1946. — С. 4.

Десант на остров Сейскари (Лесной)

Лишь 29 декабря 1939 г. нарком ВМФ приказал определить «широкие районы в зоне блокады и установить между ними разграничительные полосы»⁵.

Неясность обстановки вынуждала командиров наших лодок быть излишне осторожными, подчас во вред делу. Так, 5 и 9 декабря 1939 г. Ш-324 (капитан-лейтенант А. Коняев) дважды обнаруживала в надводном положении в чрезвычайно выгодных для себя условиях финскую ПЛ «Ветехинен». В первый раз командир побоялся потопить свою С-1, в отношении местонахождения которой у него ясности не было, а второй раз атаковать не сумел.

О действиях балтийских летчиков во время той войны нарком ВМФ в директиве от 3 февраля 1940 г. отозвался так: «В боевом использовании авиации еще продолжает иметь место крайнее упрощенчество и пренебрежение к выработанной практикой и боевыми уставными формами оперативного руководства... Постановка боевых задач в ряде случаев исключительно обща, зачастую не исходит из тщательного анализа обстановки, подкрепленного оперативно-тактическими расчетами, а поэтому иногда является неконкретной и невыполнимой... Поздняя постановка задач... приводит к тому, что на уничтожение одного орудия летят чуть ли не всем полком...»⁶. Такие же недостатки проявились и в действиях нашей авиации на коммуникациях врага.

Врид командующего ВВС флота комбриг В. Ермаченков пытался исправить положение. 20 декабря 1939 г. с целью усиления блокирующих действий против Финляндии им дополнительно было выделено 18 бомбардировщиков и 15 истребителей, а позднее число СБ и ДБ-3 доведено до 30.

⁵ Там же, с. 71.

⁶ ЦГА, ф. р.92, оп. 2, д. 502, л. 6—7.

29 декабря 1939 г. нарком ВМФ приказал начать постановку мин с самолетов в узловых точках шхерных фарватеров. В минных банках в дневное время их было выставлено 45. Достоверных сведений о потерях на них мы не имеем, но можно считать, что финское судоходство они затруднили.

Для того чтобы подвести итог действиям наших морских сил, надо соотнести то, что было доставлено в основном морем в Финляндию из других стран Европы за время войны, с достоверными данными о ее потерях от сил ВМФ. Всего поступило 376 самолетов, 1132 орудия, 2,5 млн. снарядов, свыше 6 тыс. пулеметов, 100 тыс. винтовок, 510 тыс. гранат, 216 млн. патронов. В страну прибыло 11 тыс. добровольцев⁷. Наши лодки уничтожили четыре судна общим тоннажем около 5000 брт. Причем одно из них было потоплено вне зоны блокады, на что В. Трибуцу строго указал нарком ВМФ 13 декабря 1939 г.⁸ Морские летчики числят за собой 14 потопленных финских транспортов и барж.

К потерям финнов от действий Советского ВМФ следует (по нашим данным) прибавить 65 самолетов, уничтоженных авиацией БФ, и еще один, сбитый С-1 (командир — А. Трипольский) 18 января 1940 г. Кроме того, 13 января 1940 г. в Аландском море при выходе в атаку на нашу Ш-324 взорвалась (скорее всего из-за детонации боеприпаса) финская вооруженная яхта «Аура»⁹.

Как бы там ни было, вывод об эффективности блокады можно сделать однозначный: она не состоялась. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением, что действия флота по срыву мор-

⁷ Новая и новейшая история. — 1989. — № 4. — С. 37—38.

⁸ Советско-финляндская война 1939—1940 гг. на море. — Ч. 1. — Кн. 2. — С. 70.

⁹ Советско-финляндская война 1939—1940 гг. на море. — Ч. 1. — Кн. 3. — С. 127.

ских перевозок финнов «имели стратегическое значение»¹⁰.

По данным, приведенным авторами труда «Советско-финляндская война 1939—1940 гг. на море», балтийцы потеряли 198 человек убитыми, 52 пропали без вести, 392 ранено. В число убитых не были включены погибшие на С-2, которая в начале января 1940 г. подорвалась на финских минах в проливе Ю. Кваркен. Кроме этой подводной лодки, Балтийский флот потерял 18 самолетов, немного меньше 4% от первоначального боевого состава (469 машин). Основные причины — слабая подготовка летчиков к полетам в сложных метеоусловиях. В ходе войны более или менее успешно были выполнены лишь некоторые задачи: флот овладел островами в Финском заливе, оказал непосредственную огневую поддержку частям приморского фланга сухопутных войск, защитил Ленинград и Кронштадт, аэродромы и базы от ударов финской авиации со стороны моря, была организована Зимняя оборона в покрытом льдами Финском заливе, сформирован отряд сопровождения, который оказал содействие дивизиям, наступавшим вдоль северного берега Финского залива. Флот огнем железнодорожных батарей, переброшенных на Карельский перешеек, поддерживал войска 7-й и 13-й армий во время решающего наступления в феврале — марте 1940 г.

Вместе с тем действия командования БФ в ходе советско-финляндской войны были неоднократно подвергнуты резкой критике наркома ВМФ. При этом он акцентировал внимание на существенных недостатках в подготовке сил, присущих и другим флотам, что, собственно, и было предметом его серьезной озабоченности. Прежде чем перечислить эти недостатки, уместно сказать, что в то время советское военно-морское искусство еще не ответило на целый ряд вопросов, возникновение которых было обусловлено процессом развития советской военной доктрины в 20—30-е годы и в ходе боевых действий на морских театрах второй мировой войны. В этом позднее откровенно признавался Н. Кузнецов¹¹.

Во всяком случае концепция «малой войны», определившая на долгие годы направленность строительства и подготовки флотов, явно просматривается в том, что БФ собирался воевать с противником, имеющим сильный флот, но не с Финляндией. Как следствие в штабах отсутствовали заранее составленные и отработанные в ходе учений планы действий на финских коммуникациях, активных минных постановок, операций по противоминному обеспечению своих сил, по защите наших коммуникаций и оказанию огневой поддержки приморским флангам сухопутных войск. Потребностям такой войны не отвечал и

состав флота. Намеренно выпячивая «классовый метод», по сути дела противопоставив его методу исторического материализма, неокрепшее советское военно-морское искусство в «священном походе» против «реакционной буржуазной доктрины владения морем» нечаянно вооружилось ее перевертышем — теорией «малой войны». И все 105 дней флот воспринимал идущую войну как не совсем настоящую, как прелюдию к иной, ожидаемой...

И все же, все же... Те, кто шел в бой в 1939—1940 гг., верили свято, что воюют за правое дело, за родину Октября, за ее лучшее будущее.

Однако отсутствие необходимого опыта и недостаточная подготовленность, особенно высшего командного состава, обусловили крупные недочеты в управлении силами. Война заставила руководство ВМФ серьезно задуматься над организацией всех видов обеспечения действий сил. Плохими оказались не только разведка, но и, например, навигационно-гидрографическое обеспечение. Тяжело сказались на работе органов тыла незавершенность оборудования новых баз в Прибалтике, организационные просчеты и отсутствие запасов.

Особое внимание при разборе итогов советско-финляндской войны нарком уделил оперативно-тактической и боевой подготовке, критике подвергли деятельность штабов. Было отмечено, что совместные с ЛВО учения по взаимодействию в наступательных и десантных операциях не проводились. Осуждены практика учебы в упрощенных условиях, отработка задач в ограниченном объеме. Налицо были и слабая штурманская подготовка, и недостаточная изученность театра. Многие командиры кораблей, частей и соединений оказались неготовыми к действиям при организации совместных ударов группами разнородных сил.

1940 г. и первая половина 1941 г. стали временем интенсивных поисков советских военно-морских теоретиков, напряженной учебы высшего командного состава ВМФ, крупных перемен в процессе боевой подготовки.

Есть еще один трудный вопрос. Была ли эта война неизбежной? О том, что рано или поздно она начнется, убежденно говорили наши военачальники и теоретики: Б. Жерве — еще в начале двадцатых, позднее — М. Тухачевский и Б. Шапошников. Но в отличие от Сталина они с неизменным уважением относились к финнам, к их армии как к противнику серьезному.

По-моему, при том «раскладе» объективных и субъективных факторов советско-финляндская война была неотвратима. Думается, что ее анализ, а также ясное понимание того, что военная угроза со стороны Германии нарастает, и побуждали молодых адмиралов Советского ВМФ настойчиво искать пути скорейшего устранения многих недостатков, выявившихся за 105 дней военной зимы. Времени на это почти не оставалось...

¹⁰ Дмитриев В. И. Атакуют подводники. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1973. — С. 88.

¹¹ Красная звезда. — 1988. — 29 июня.